

Алексей Миллер

Институт славяноведения и балканистики РАН,

Москва

E-mail: irina@iea.msk.su

ВНЕШНИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГАЛИЦИЙСКИХ РУСИНОВ

РЕЗЮМЕ

Процесс формирования национальной идентичности восточнославянского населения Галиции, называвшего себя русинами, а в австрийской статистике фигурировавшего как *Ruthenen (Russinnen) oder Klein-Russen*, во второй половине 19 в. Привлекал пристальное внимание разнообразных внешних по отношению к нему сил. В их числе были Вена, Петербург, Ватикан, поляки и украинофилы из юго-западного края России. Именно борьба этих сил во многом предопределила победу украинской идентичности над другими вариантами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная идентичность, русины, Галиция, украинская идентичность

В своем романе "Марш Радецкого" Йозеф Рот описывает, как молодой поручик фон Тротта накануне мировой войны, отправляясь служить в восточную Галицию, воспринимал эту поездку как путешествие на край земли. Это было справедливое ощущение, по крайней мере, в двух отношениях: Во-первых, это было место по австрийским меркам вполне захолустное, что тем более верно применительно к XIX веку. Во-вторых, здесь действительно кончался *рах Habsburgiana*, и за его границей виднелись флажки на пиках царских казаков.

Оба эти обстоятельства - сравнительная отсталость и, с другой стороны, стратегическая значимость провинции - сыграли важную роль в процессе формирования национальной идентичности восточнославянского населения Галиции, называвшего себя русинами, а в австрийской статистике фигурировавшего как *Ruthenen (Russinnen) oder Klein-Russen*. Отсталость и перерыв исторической

традиции государственности предопределили сравнительное (по отношению к другим народам Цислейтании) запаздывание процесса формирования национальной идентичности русинов и сохранение вплоть до первой мировой войны альтернативности этого процесса.

Количество сформулированных вариантов идентичности у галицийских русин было таково, что Дж.-П. Химка сравнил этот процесс с полетами Икара во всех возможных направлениях.¹ Действительно – мыслимых, теоретически возможных вариантов было пять, и все они, по крайней мере, были декларированы.

Два из них не получили серьезного политического оформления. Один из этих вариантов можно охарактеризовать как наиболее экзотический - это особая восточнославянская идентичность населения бывшей Речи Посполитой, некоторые следы которой до сих пор можно встретить в Белостоцком или Люблинском воеводстве Польши. Второй вариант – наиболее распространенный в сознании обыкновенного русинского крестьянина – узколокальной русинско-галицийской идентичности.

Стратегическая важность провинции привлекала к борьбе за “сердца и умы” галицийских русин очень широкий спектр внешних по отношению к этой этнической группе политических сил с весьма разнообразными и противоречивыми интересами. Во многом с этим было связано то обстоятельство, что политическое воплощение получили три оставшихся варианта, которые можно обозначить как польский, общерусский и украинский. *Все они возникали и развивались под воздействием внешних факторов.*

Полонофильская ориентация доминировала в практике до 1848 г., когда практически безотказно действовала формула, согласно которой русин, получивший образование, становился поляком. “Всякий образованный человек, независимо от вероисповедания, считал себя поляком” – свидетельствовал польский мемуарист Ю. Добошиньский.²

Еще в 60-е годы эту формулу отстаивали многие поляки в галицийском сейме. Были и полонизированные русины, как бы живое воплощение этой формулы, такие как М. Зыбликевич, которые обращались в сейме к братьям-русинам с призывами следовать естественному прежде ходу вещей.

¹ Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions. Доклад на 3-ем конгрессе Международной Ассоциации украинистов в Харькове, август 1996 г. Этот доклад вообще послужил отправной точкой для многих рассуждений, представленных в этой статье.

² *Pamiętniki urzędników galicyjskich*. Kraków, 1978. С. 26.

Однако для 60-х годов эта концепция была уже однозначно проигранной. Формула “мы не поляки - поляки не мы” уже утвердилась к этому времени как неотъемлемый негативный элемент русинской идентичности. Было много факторов, способствовавших этому - прежде всего социальный (постоянно остававшийся на повестке дня галицийской жизни конфликт польского землевладельца и русинского крестьянина), а также конфессиональный, поскольку грекокатолицизм большую часть XIX века видел именно римско-католическую церковь как главную систему негативного соотношения. Важную роль играли и культурные различия, которые уже в первой половине XIX в. осмысливались через призму романтического национализма, который русинские “будители” заимствовали у чехов, словаков, немцев и самих поляков.

Однако очень важную роль в крахе полонофильской ориентации сыграли Вена и Петербург, которые, каждый из собственных соображений, целенаправленно работали на подрыв этой концепции. Решающая роль принадлежала здесь Вене, сознательно поддерживавшей этническую рознь, которая служила эффективным инструментом контроля за поляками как во время их повстанческих усилий (галицийская резня 1846 г. и 1848 г.), так и во время их сотрудничества с династией после краха восстания 1863-1864 гг. и введения дуализма в 1867 г. Не раз на повестке дня возникала идея раздела провинции на западную и восточную части, что несло в себе угрозу доминирующему положению крупных польских землевладельцев в восточной Галиции с ее по преимуществу русинским населением.

Россия же после польского восстания 1863 г. поддерживала и финансово, и через свою агентуру любые местные антипольские инициативы и эмоции.³ Но уже в 1849 г. побочным эффектом марша бесконечных русских полков через Галицию на подавление венгерского восстания стало формирования у галицийских русинов ощущения, что на востоке есть некая гигантская родственная сила, что также не могло не сказаться на отношении к польским ассимиляторским усилиям.

Две оставшиеся ориентации в выборе идентичности - общерусская (именовавшаяся как русофильство или москвофильство) и украинская (называемая “народовской”, что удачно отражало и народническую социальную ориентацию ее сторонников) - соперничали с переменным успехом вплоть до первой

³ См.: Miller A. *Panika Galicyjska 1772-1773*. // *Przegląd Historyczny*. 1988, N. 1.; Himka J.-P. Hope in the Tsar: Displaced Naive Monarchism Among the Ukrainian Peasants of the Habsburg Empire // *Russian History*. 1980, Vol. 7, pts. 1-2.

мировой войны. Обе были импортированы из России еще в 30-е - начале 40-х годов в ходе поездок в Галицию П. Кулиша и М. Погодина. Эти ориентации, также как и польская, прямо влияли не только на политическую, но и на конфессиональную (интерпретация греко-католицизма), лингвистическую (споры об образцах для формирования литературного языка) и общекультурную (выбор исторической традиции и т.д.) составляющие процесса формирования идентичности галицийских русинов. Ход и исход борьбы между этими тенденциями может быть понят только при учете внешних по отношению к собственно русинам факторов.

Россия, безусловно, оказывала разнообразную поддержку прорусской ориентации среди галицийских русинов, в том числе и финансовую, как на правительственном, так и на частном уровне. Однако, можно утверждать, что этим действиям не хватало скоординированности, интенсивности и целеустремленности. Их основной мотивацией, как, впрочем, и всей политики России в "украинском вопросе" по крайней мере до 70-х гг. XIX в., было противостояние "польской интриге". Но даже и в 1875 г., в записке учрежденной по распоряжению Александра II специальной "Комиссии по украинофильской пропаганде в южных губерниях России" необходимость субсидии для русофильской газеты "Слово" аргументировалась тем, что "украинофильский орган в Галиции, газета "Правда", враждебная вообще русским интересам, издается при значительном пособии поляков". До этого времени "Слово" субсидировалось только Славянским благотворительным обществом.⁴

В целом же финансовая поддержка пророссийских сил была достаточно скупой. Важно также, что "кадровый обмен" между Галицией и Российской империей был явно в пользу украинофилов. Пророссийски ориентированные деятели очень часто переезжали в Россию (примером может служить Я. Головацкий), в то время как из России в Галицию перебирались украинские активисты - достаточно упомянуть поляков-украинофилов после восстания 1863 г., М. Грушевского, позднее идеолога интегрального украинского национализма Д. Донцова.

В борьбе же с промосковской ориентацией единым фронтом выступили поляки и Вена. В 1860-е годы произошла быстрая переориентация наиболее гибкой и стратегически мыслящей части польских политиков, которые понимали анахроничность традиционной установки на решение русинской проб-

⁴ Савченко Ф. *Заборона українства 1876 р.* Київ, 1930. Репринт в Harvard Series in Ukrainian Studies, Vol. 14, 1970. С. 65, 382.

лемы путем колонизации. Их позиция в вопросе русинской идентичности может быть выражена формулой “если не поляки, то, во всяком случае, не русские”. В особой украинской идентичности польские политики в Галиции увидели возможность обрести, а до некоторой степени и создать, нового союзника в борьбе с Россией за освобождение Польши, ведь развал империи польская политическая мысль не без основания считала необходимым условием успеха этой борьбы.

Еще в начале 1860-х в подобном духе размышлял Адам Сапега,⁵ а с середины 60-х тезис о польско-украинском союзе становится неотъемлемым элементом программы западно-галицийских консерваторов - “станьчиков”. Один из их лидеров Ст. Тарновский писал: “Нам нужно следить, чтобы русины не склонялись в сторону москалей, а напротив, чтобы стоя на собственных основаниях, вместе с нами боролись против царизма и ереси (имелось в виду православие - А.М.)...”⁶

Уже тогда с русинской стороны звучали голоса, свидетельствовавшие о готовности украинофилов к подобному союзу. В 1861 г. неизвестный русинский автор призывал поляков “малорусинское движение искренне и всем сердцем поддерживать, дабы... не допустить слияния малорусинов с великоруссами в одно гигантское, 50.000.000 насчитывающее целое, которое величиной своей не только над поляками, но и над всем славянством будет иметь неопровержимое превосходство”.⁷ Взаимное сближение украинофилов и части польских политиков привело в 1869 г. к выработке специальной декларации о примирении между галицийскими поляками и русинами, которая была внесена на рассмотрение галицийского Сейма.⁸

Впрочем, если мы обратимся к более раннему времени, то корни идеи польско-украинского союза против России обнаруживаются в идеологии “Великой эмиграции” межповстанческого периода, особенно у таких авторов, как Ф. Духиньский и М. Чайковский.⁹

⁵ См. Серета О. Место России в политических концепциях галицийских украинцев в 60-е годы XIX в. В кн.: *Россия-Украина: история взаимоотношений*. М., 1997.

⁶ Tamowski St.: O sesji sejmowej z roku 1865-1866 // *Przegląd Polski*. - 1866. - Z. 1. - С. 146-147.

⁷ Цит. по Серета О. Место России... (Слово. - 1861. - Ч. 17. - 22 березня. - С. 90.)

⁸ Подробно см.: A. Miller. Galicia after the Ausgleich. Polish-Ruthenian Conflict and the Attempts of Reconciliation. // *CEU History Department Yearbook*. Budapest, 1994.

⁹ О Ф. Духиньском, М. Чайковском и Ст. Терлецком, и в целом о роли польских украинофилов в формировании украинской идентичности см.: Лисяк-Рудницький І. Історичні ссс. Т. 1. Київ, 1994. С. 221-277.

Замечу, что польское влияние на процессы формирования галицийских русинов не ограничивалось прямой поддержкой одной из возможных ориентаций и противодействием другой. Поляки были главным оппонентом и, одновременно, образцом для подражания в идеологических дискуссиях и организационных усилиях для политически активных русинов. Это обстоятельство, наряду с более либеральным режимом в империи Габсбургов по сравнению с империей Романовых, объясняет, почему во второй половине века Галиция играла роль украинского Пьемонта.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на развитие процессов нациообразования у галицийских русинов, была, конечно, политика Вены. Дж.-П. Химка вообще считает это влияние решающим по сравнению со всеми другими факторами.¹⁰ По мере обострения отношений с Россией и распространения панславистской пропаганды среди славян Габсбургской монархии борьба с москвофильством в Галиции становится одним из приоритетов Вены.

При необходимости австрийские власти ни мало не стеснялись в средствах. Примером может послужить история обращения к австрийскому правительству в 1882 г. униатских прихожан деревни Гнилички по инициативе одного из лидеров русофилов униатского священника Ивана Наумовича с петицией о разрешении на переход в православие. Ответные меры включали отставку галицкого митрополита, отлучение Наумовича, переделку приходских и епископальных границ, реорганизацию униатских монастырей под контролем иезуитов, публичный судебный процесс против лидеров русофильства по обвинению в государственной измене и преследования русофильской прессы.¹¹

С этого момента активное участие в борьбе с русофильством принимает третий союзник - Папский престол, для которого православный уклон представлялся более опасным, чем народническая, часто индифферентная к религии, ориентация украинофилов.

Именно репрессии 1882 г. положили конец периоду преобладания русофилов в политической жизни галицийских русинов. Это, однако, не следует понимать в том смысле, что народовцы без вмешательства Вены были заведомо обречены на поражение - они заметно превосходили русофилов в работе по созданию низовых организационных структур и могли со временем рассчитывать на широкий отклик благодаря своей несравненно более радикальной социальной программе.

¹⁰ Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus'...

¹¹ См.: Himka J.-P. Op.cit.

Замечу, наконец, что начало активной антирусофильской кампании совпадает с заключением тайного австро-германского союза, положившего начало формированию новой системы коалиций европейских держав, противостоявших друг другу в первой мировой войне. В ходе этой войны и Россия, и Австрия осуществляли в переходившей из рук в руки Галиции открытый террор, депортации и интернирование сторонников соответственно украинофильской и русофильской ориентации.¹² Так что последнее военное впечатление героя Йозефа Рота перед гибелью - заподозренный в соотрудничестве с русскими и повешенный на кладбищенских воротах униатский священник - символичен и вполне реалистичен.

В современной историографии уже вполне утвердился взгляд, согласно которому соперничество держав накануне и во время первой мировой войны оказало мощное воздействие на нациообразующие процессы в Центральной и Восточной Европе. Галицийский пример показывает, что это утверждение справедливо и для гораздо более раннего периода. Этот внешний фактор, складывавшийся из часто разнонаправленных воздействий множества крупных актеров - в данном случае империй Романовых и Габсбургов, Папского престола, а также поляков, сохранявших память о своем державном прошлом - мощно воздействовал на все стороны нациообразующего процесса в среде галицийских русинов - политическую, конфессиональную, языковую, образовательную и т.д.

Aleksei Miller

THE EXTERNAL FACTOR IN THE FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF THE GALICIAN RUTHENIANS

SUMMARY

The development of national identity in the East Slav population of Galicia, which calls itself Ruthenians and that appeared in Austrian statistics as *Rüthenen (Russinnen) oder Klein-Russein*, attracted in the 19th century the careful attention of various external forces, among them Vienna, Peterburg, the Vatican, the Poles and the Ukrainophiles of the south-west region of Russia. It was precisely the struggle between these forces that to a great degree determined the victory of the Ukrainian identity over other variants.

KEY WORDS: national identity, Ruthenians, Galicia, Ukrainian identity

¹² Об австрийской политике военного времени см.: Восные преступления Габсбургской Монархии. Trumbull, Conn., 1964, включающее перепечатку Талергофского альманаха (Львів, 1924-1932), имевшего подзаголовок "Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914-1917 гг".

Aleksej Miller

VANJSKI ČIMBENIK U OBLIKOVANJU NACIONALNOG IDENTITETA GALICIJSKIH RUSINA

SAŽETAK

Proces razvitka nacionalnog identiteta istočnoslavenskih žitelja Galicije, koji sebe nazivaju Rusinima, a koji se pojavljuju u austrijskoj statistici pod nazivom *Ruthenen (Russinnen) oder Klein-Russen*, privukao je u 19. st. veliku pozornost raznih vanjskih sila, uključujući Beč, Peterburg, Vatikan, Poljake i Ukrajinofile iz jugozapadnog kraja Rusije. Upravo je borba između tih sila, umnogome odredila pobjedu ukrajinskog identiteta nad drugim varijantama.

KLJUČNE RIJEČI: nacionalni identitet, Rusini, Galicija, ukrajinski identitet